

ИНВЕКТИВНАЯ ЛЕКСИКА В СОВРЕМЕННОМ ПОЛИТИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ

Рябова Татьяна Викторовна

к. филол. н.

Военная академия материально-технического обеспечения им. генерала армии А.В. Хрулёва

rtv64@bk.ru

Тищенко Наталья Геннадьевна

канд. пед. наук., доцент

Санкт-Петербургский государственный архитектурно-строительный университет

srada@mail.ru

INVECTIVE VOCABULARY IN MODERN POLITICAL DISCOURSE

**T. Ryabova
N. Tishchenko**

Summary: The article is devoted to the study of the invective use of vocabulary with the content of the concept «stupidity», with the general meaning of «characteristics of mental abilities» in the political discourse of the media. A major role in the material under study is played by the terminological vocabulary of a medical nature with the nominations «mental disorders and diseases». Unusual combinations and functioning of the studied lexemes enhance the expressive character and increase the persuasive effect of the discourse fragment.

Keywords: political discourse, persuasiveness, the concept of «stupidity», invectives, medical terminology, mental characteristics, deviation from the norm as a result of mental illness.

Аннотация: Статья посвящена исследованию инвективного употребления лексики с содержанием концепта «глупость», с общим значением «характеристика умственных способностей» в политическом дискурсе средств массовой информации. Большую роль в исследуемом материале играет терминологическая лексика медицинского характера с номинациями «психические отклонения и болезни». Необычные сочетания и функционирование исследуемых лексем усиливает экспрессивный характер и повышает персуазивный эффект фрагмента дискурса.

Ключевые слова: политический дискурс, персуазивность, концепт «глупость», инвективы, медицинская терминология, ментальные характеристики, отклонение от нормы в результате психического заболевания.

Интерес лингвистов к исследованию современного политического дискурса обусловлен расширением сферы его влияния, в том числе в сетевых источниках информации. В условиях разворачивающейся информационной войны в связи с обострением международной обстановки влияние политического дискурса СМИ на общество становится все более актуальным: расширяется число подписчиков на популярные телеграм каналы, растет число зрителей политических телевизионных ток шоу и слушателей аналитических радиопрограмм. Политика становится все более популярной сферой информационного потока.

Политический дискурс средств массовой информации по типу коммуникативно-прагматических установок является персуазивным дискурсом: кроме информативной функции имеет ярко выраженную функцию воздействия. Персуазивность рассматривается как семантико-прагматическая категория дискурса, включающая в себя стратегии и тактики намеренного воздействия на ментальную сферу адресата с целью изменения его поведения. Основной признак политического дискурса – его установка изменить политическую ситуацию путем явной и неявной пропаганды, эмоционального воздействия на общество и побуждения его к посткоммуникативным действиям [11, с. 8.]

Персуазивность имеет в своем арсенале множество лингвистических и паралингвистических средств, входящих в состав персуазивных стратегий и тактик для достижения перлокутивного эффекта. Перлокутивный эффект речевого акта заключается в том, что адресат понял намерение адресанта и сделал адекватные выводы, на основании которых может быть изменено не только его мнение, но и поведение. Персуазивные стратегии и тактики предполагают адекватный выбор и комбинирование вербальных и невербальных техник: экспрессивы (метафоры, гиперболы, метонимия, сравнения и др.), оценочная лексика и фразеология, лексические средства комического, прецедентные тексты, исторические и художественные параллели, риторические приемы, повторы, риторические вопросы, креолизация, паравербальные средства. В целях персуазивности используются психологические приемы, позволяющие оратору завладеть не только вниманием аудитории, но и создать обстановку не принужденности, имитацию дружеского общения единомышленников. [9, с.193]

Особая роль в прагматике воздействия отводится категории экспрессивности. Экспрессивность политического дискурса достигается в результате свойства усиливать части информации для возбуждения когнитивных механизмов образного представления его фрагментов.

В этих целях широко используются лингвистические средства, обладающие выраженными характеристиками отрицательной коннотации. Такие лексические средства работают как контрастные раздражители, как средства снятия напряжения по параметру «свой-чужой» и осуществления психологических контактов между оратором и аудиторией. Это соответствует реализации персуазивных стратегий оценочного информирования, имитации естественного общения, в результате происходит сближение с аудиторией и привлечение ее на свою сторону.

Высокую степень экспрессивности имеет инвективная лексика, обладающая кроме выраженной отрицательной оценочной характеристики, коммуникативной прагматической направленностью, цель которой нанести оскорбление оппоненту, осудить и унижить его. Современная политическая информационная картина, представленная СМИ, характеризуется насыщением инвективной лексикой, просторечием, вплоть до публичного употребления обценной лексики, клеветы, заведомо ложных сведений и других средств вербальной агрессии. Все это служит арсеналом информационных войн.

Самый распространенный пласт инвективной лексики и фразеологии представляет собой группа, имеющая в семантике содержательный минимум концепта «глупость» как «ограниченная когнитивная способность». По мнению В.В. Колесова, концепт – основная единица ментальности, а слово – ключевое понятие культуры. [5] Концепт как лингвокультурная, ценностная сущность включает в себя, по мнению В.И. Карасика, следующие компоненты: понятийный, предметно-образный и ценностный. Лингвокультурологи В.И. Карасик и Г.Г. Слышкин отмечают, что концепт включает три составляющие: понятийную, образную, ценностную. В содержание составляющей концепта также входят ассоциативные характеристики его имени и словообразовательные возможности. С основных позиций концептологии рассмотрим употребление в качестве инвектив в политическом дискурсе СМИ лексических единиц с общим значением оценки умственной деятельности человека. Большая частотность употребления этой лексики демонстрирует, какое важное место в человеческой рефлексии занимает качество мыслительной деятельности человека.

Показателем обобщенной характеристики ментальной деятельности является ИНТЕЛЛЕКТ. Слово интеллект восходит к латинскому глаголу *intelligere* – «1) ощущать, воспринимать, подмечать, замечать; 2) познавать, узнавать; 3) мыслить; 4) знать толк, разбираться». Для определения интеллектуального потенциала, уровня интеллекта индивидуума, коэффициента интеллекта (IQ) в мире широко используется тестирова-

ние, впервые разработанное английским психологом Хансом Айзенком.

В литературе определены такие ментальные концепты, как знание, ум, мысль, понимание, память, представление, разум, рассудок, воображение, вдохновение, сознание [8]; ум – [3]; ум – глупость [6], дурак [2], глупость [1] и др. Но основным ядерным концептом поля ментальности, на наш взгляд, является УМ и как основная оппозиция ГЛУПОСТЬ. Нет такой сферы человеческой жизнедеятельности, где бы ни встречалась оценка УМА или ГЛУПОСТИ человека [4].

Содержание слова-концепта УМ распространяется на все производные лексемы: умный, умничать, умствовать, умозаключение, умозрение, умопомрачительный и т.п., независимо от того, какой частью речи является слово. В лексемах приведенного ряда присутствует оценочный признак (не только с позитивной позицией): «умничать – (ирон.); умник – (ирон.); «умствование (разг. неодобр.); признак меры: «умище – ; умишко – (уничижит. пренебр.)»

Значимость концептов УМ и ГЛУПОСТЬ в языковой картине мира подтверждается частотностью употребления лексем этого поля в разговорной речи, художественной литературе, пословицах, поговорках, фразеологизмах, произведениях фольклора, а также словообразовательной продуктивностью лексических единиц поля.

Отношение к оппозиции УМ–ГЛУПОСТЬ в русской языковой картине мира неоднозначно, амбивалентно [4], не всегда четко противопоставлено одобрение УМА и осуждение ГЛУПОСТИ, поэтому инвективой могут также служить лексемы, производные концепта УМ: *больно умный, ума палата*.

Оппозицию УМ – ГЛУПОСТЬ в нашем случае логично представить как «НОРМА» (присутствие) и «НЕ НОРМА» (ОТКЛОНЕНИЕ ОТ НОРМЫ).

ГЛУПОСТЬ: «1. только ед. отвлеч. сущ., глупый. 2. Глупый поступок, глупое слово (разг.). 3. только мн., в знач. межд. употр. в реплике для выражения несогласия с чем-нибудь, возражения против чего-нибудь (разг. фам.)» (БТСУ, 2000).

В толковом словаре Ожегова представлены такие значения: «1. см. глупый. 2. Глупый поступок, глупые слова. Делать глупости. Сказать г. Имел г. сделать что-н. (поступил глупо, неосмотрительно). 3. глупости! О чём-н. явно неразумном, неверном (разг.)» (ТСО, 2017).

Словарные статьи демонстрируют, что ГЛУПОСТЬ означает недостаток ума и сообразительности. Глупость

может выражаться в словах, конкретных действиях и деятельности человека, что всегда отрицательно оценивается в языковой картине мира.

В лексико-семантическом пространстве ГЛУПОСТЬ содержится множество самостоятельных концептов, которые имеют универсальные и специфические характеристики. Мы попытались проанализировать общие семантические модели данного семантического пространства. Лексико-семантического поле ГЛУПОСТЬ содержит несколько синонимических рядов.

Концепт ГЛУПОСТЬ характеризуют следующие основные содержательные признаки: отсутствие ума как способности совершать адекватные ментальные действия (*безумие, невменяемость*); ограниченность, отклонение от нормы (*слабоумие, сумасшествие, скудоумие*); косность, заторможенность, бессмысленность (*тупость, дурасть, безрассудность*); незрелость, инфантилизм, нелепость (*неразумность, недоразвитость*). По мнению Е.В. Дзюба, в русской культуре «крайняя степень слабоумия отождествляется с безумием, которое понимается двойственно. С одной стороны – это отсутствие здравомыслия, рассудка, т.е. сумасшествие. С другой стороны, безумие принимает форму юродства, т.е. это внешнее, видимое, реализуемое в крайней аскезе безумие ради Христа, которое представляет собой духовный подвиг. Это уникальный, не имеющий аналогов в других культурах русский феномен восприятия безумия как добровольного отречения от материальных благ ради служения людям» [4]. В современном дискурсе юродство может также иметь пейоративный компонент и выступать в качестве инвективы.

Номинативы с компонентом ГЛУПОСТЬ и их производные, включая паремии, составляют более трети от употребленных в политическом дискурсе инвектив. Поскольку концепт – динамичная величина, постоянно пополняющаяся новыми качествами, список признаков, характеризующих концепт ГЛУПОСТЬ, можно признать открытым [1, с. 167]. Лексема ГЛУПОСТЬ в роли инвективы чаще всего употребляется в сочетаниях: *ужасная глупость, чудовищная глупость, страшная глупость, откровенная глупость, опасная глупость; очевидная глупость, безграничная глупость*. В данных случаях *глупость* может быть заменена на *дурасть*, что усиливает экспрессию и инвективную коннотацию. Слово *глупость* употребляется также в предикативных сочетаниях: *делать, совершать глупость, натворить глупостей*.

Среди единиц поля концепта ГЛУПОСТЬ большая часть относится к характеристике инвектанта по психическому отклонению в результате болезни. Самые распространенные: *сумасшедший, безумный, сойти с ума*. Причем эти определения не всегда относятся к субъекту инвектации, чаще: «*сумасшедший поступок*», «*безумный*

мир», «*мир сошел с ума*». Наиболее мягкое определение *неадекватный* также имеет отношение как к субъекту, так и к объекту инвектации: *неадекватный политик, неадекватная реакция*. Исключительно к субъекту относится просторечное *сбрендить* (в отличие от *сойти с ума*). Определения *слабоумный, скудоумный* также имеют отношение только к субъекту инвектации. *Слабоумие, безумие, сумасшествие* отождествляются с душевным расстройством, умственным отклонением, психическим заболеванием.

По наблюдению Е.В. Дзюба: «Значение безумия как психического нездоровья оказывается актуальным и в настоящее время, ср. данные одного из современных словарей: «БЕЗУМИЕ, -я, ср. 1. То же, что сумасшествие (устар.). 2. Безрассудство, полная утрата разумности в действиях, в поведении. Любить до безумия (очень сильно). СУМАСШЕСТВИЕ, -я, ср. 1. Психическое расстройство, умопомешательство. Внезапное с. 2. перен. Неистовство, исступление. С. страсти. 3. перен. То же, что безрассудство (разг.)» [3, с. 94]

Номинативы психических отклонений занимают большое место среди поля лексики с концептным содержанием *отклонения от нормы*. В составе политического дискурса использование медицинской терминологии в качестве инвектации подчеркивает серьезность аргументативной позиции оратора, что усиливает персуазивный эффект. Самым распространенным медицинским термином является «*шизофрения*» (*политическая шизофрения; уровень шизофрении зашкаливает; яростная шизофрения*).

Диагностические термины психических заболеваний очень популярны в современном политическом дискурсе. Характеристика инвектантов по названию психического заболевания чаще всего подчеркивает его неадекватные действия. Список наиболее употребляемых медицинских терминов в роли инвективы: *шизофрения, биполярное расстройство – маниакально-депрессивный психоз (биполярность /биполярка); расщепление личности; паранойя; маразм; альцгеймер; истерия; психопатия. бешенство, дебил (дебилизм, полный дебилизм), имбецил, идиот, кретинизм, паранойя, истерия (истерить, истерика, биться в истерике), альцгеймер*.

Многие термины, хотя и входят в состав медицинской терминологии, часто употребляются в роли инвектив. Например, *дебильность* (по статьям в медицинской литературе) представляет собой самую легкую степень олигофрении, сюда же относятся такие диагнозы как *имбецильность* и *идиотия*. Номинативы *дебил, имбецил, идиот, идиотизм* употребляются в разговорной речи в качестве инвективной оценки субъекта и имеют соответствующие словарные пометы: *разг., бран.* «*Глупый*

человек, тупица; глупый, несообразительный человек; дурак». По мнению ряда психиатров, термины «имбецильность», «имбецил» — устаревшие и не рекомендуются к использованию, так как они вышли за сугубо медицинские рамки и в разговорной речи приобрели оценочные свойства, стали иметь социальный (негативный) оттенок. [7] Например: *Для кого это показное сдерживание выполняется? Для имбецилов? Дебилов и дегенератов во все времена было предостаточно. Бегают какие-то олигофрены с деревянными автоматами.*

В ряде случаев в роли инвектив используются разговорные варианты названий психических заболеваний: *падучая (эпилепсия), биполярка (биполярное расстройство)*. Зачастую термины, являясь инвективой в разговорной речи, никак не дифференцируются и не соотносятся с их медицинским содержанием. Так совершенно разные по происхождению и симптомам заболевания, например, *идиотизм, дебилизм, кретинизм*, воспринимаются как полные синонимы, объединенные содержанием концепта «отклонение от нормы, слабоумие, психическое заболевание». В качестве инвектив термины употребляются в необычных сочетаниях (*пасмурный идиот, незамутненный идиот, уровень шизофрении зашкаливает, дебилы одноклеточные, незамутненный идиот; привет, альцгеймер*). К примеру: *Бессмысленная эпоха победивших дебилов. До какой степени идиотизма мы дойдем? Это не правовой нигилизм, а правовой дебилизм.*

Особое место занимает термин *диагноз*. По словарям: «*Медицинское заключение о состоянии здоровья; определение/ установление болезни, травмы на основании специального исследования*» (толковые словари). В качестве инвективы основное значение суживается: подразумевается только «*душевная болезнь, психическое отклонение*». (*Это уже диагноз...*). Другое слово, употребляемое, в суженном семантическом варианте *больной*. (*Ты что, больной?*) – подразумевается психическое отклонение. Это слово используется в качестве инвективы, сопровождается в устной речи соответствующим жестом.

Кроме терминов диагностики в качестве инвектив используются термины симптомов или синдромов психических заболеваний: *бред, (бредятина, полный бред, острый бред, нести бред, бредни), иллюзии, галлюцинации, припадок, конвульсии, навязчивые состояния, истерика (биться в истерике, истерить, истериковать), психоз, невменяемость*. Так, например: *Он не собирается мириться с тем бредом, который царит в ... Что за ... бредни! Галлюцинаторная политика Юрист сделал ряд несуразных и нелепых заявлений, похожих на бред сумасшедшего.*

К терминам, употребляемым в качестве инвективы,

относятся также слова с обозначением локатива (места лечения): *психиатрическая больница, психушка, дурдом, палата № 6* (прецедентный); процесса: *психиатрическая помощь, психиатрические практики; субъектов: психиатр, доктор (ему требуется психиатр); препарата: галоперидол* (препарат для купирования психомоторного возбуждения). Использование терминологии в высказываниях по отношению к действиям инвектанта в политическом контексте усиливает экспрессию, в ряде случаев создает комический эффект, что отражается на степени персуазивности дискурсного фрагмента. Вместе с тем медицинский термин в качестве характеристики инвектанта подчеркивает серьезность аргументативной позиции оратора, что также усиливает персуазивный эффект.

Другим синонимическим рядом концепта ГЛУПОСТЬ, лексемы которого также используются в качестве инвектив, являются сочетания со словами *голова, мозг* и производные от этих слов: *безголовый, дубинноголовый, тупоголовый, безмозглый, с головой проблемы, прочистить мозги, вставить мозги, мозги набекрень и т.п.* Например: *На большее там мозгов и фантазии не хватает. Чтобы прочистить мозг, не обойтись без напряжения. Ипанутые на всю голову, т.е. больные на всю голову (эвфемизм). У него тик-ток на всю голову. Как получил по башке, так его и заклинило.*

Таким образом, содержание ядерной доминанты концепта ГЛУПОСТЬ в современном политическом дискурсе реализуется в номинативно-функциональном поле «отклонение от нормы в результате психического расстройства / заболевания». Из 357 выделенных нами лексических единиц, использованных в качестве инвективы, 119 случаев приходится на лексемы с содержанием концепта ГЛУПОСТЬ, их производных и сочетаний с ними. Высокая частотность лексической представленности этого смыслового блока в политическом дискурсе средств массовой информации обусловлена современным состоянием информационной войны. Отражение информационных атак в СМИ содержит реакцию политологов и журналистов. Острота реакции выражена в выборе лексических средств эмоциональной оценки, это обуславливает использование инвектив с содержанием «умственная неполноценность, психическое отклонение в результате болезни». Поэтому наиболее показательным примером является общая характеристика политического процесса: «мир сошел с ума», «политическая шизофрения». Этим подтверждается тезис о неразрывной связи языковых и социальных процессов.

(Исследуемый материал собран методом фрагментарной выборки из ТВ программ: «Вечер с Владимиром Соловьевым», «Время покажет»; Телеграм каналы: чаты В. Соловьева, А. Гаспаряна, Ю. Витязевой, С. Михеева и др.)

ЛИТЕРАТУРА

1. Бочарова Е.Н. Глупость // Антология концептов. Под ред. В.И. Карасика, И.А. Стернина. Том 7. Волгоград: Парадигма.- 2009.- С. 164–175.
2. Бусурина Е.В. Дурак // Антология концептов. Под ред. В.И. Карасика, И.А. Стернина. Том 2. Волгоград: Парадигма.- 2005.- С. 121–132.
3. Дзюба Е.В. Концепт «ум» в русской лингвокультуре: Монография. Урал. гос. пед. ун-т. — Екатеринбург, 2011. — 224 с.
4. Кириллова И.В. Лингвокультурологическая специфика когнитивной оппозиции ум – глупость в русской языковой картине мира, автореферат дисс. канд. фил. н.-2012.
5. Колесов В.В. Концепт “культуры”: образ, понятие, символ // Вестник Санкт-Петерб. ун-та. Серия 2.-1992.- Вып. 3. № 16.- С. 30-40.
6. Леонтьева Т.В. Интеллект человека в зеркале русского языка. Дис. ... канд. филол. н.,2003
7. Менделевич В.Д. Психиатрическая пропедевтика: Практическое руководство для врачей и студентов. - 2-е изд., перераб. и доп.- М.: ТОО «Техлит»; «Медицина».- 1997. - С. 444 – 496.
8. Пименова М.В. Коды культуры и проблема классификации концептов // Язык. Текст. Дискурс. Научный альманах. Вып. 5. Ставрополь- Пятигорск. -2007.- С. 79-86.
9. Рябова Т.В., Тищенко Н.Г. Инвектива в политическом дискурсе как средство персуазивности // Современная наука: актуальные проблемы теории и практики. Серия: Гуманитарные науки.-2022.- № 2-2.- С. 192-195.
10. Сергеева Н.М. Концепты ум, разум в русской языковой картине мира. Дис. ... канд. — Кемерово,2004.
11. Чудинов, А.П. Политическая лингвистика (общие проблемы, метафора): Учеб. Пособие [Текст] / А. П. Чудинов. — Екатеринбург: Уральский гуманитарный институт.- 2003.

© Рябова Татьяна Викторовна (rtv64@bk.ru), Тищенко Наталья Геннадьевна (srada@mail.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

Военная академия материально-технического обеспечения
им. генерала армии А.В. Хрулёва